

Все дети когда-нибудь становятся взрослыми — все, кроме одного. Очень скоро они узнают, что вырастут, и вот как узнала об этом Венди. Ей исполнилось два года, и как-то раз, играя в саду, Венди сорвала какой-то цветок и побежала с ним к маме. Полагаю, в этот момент она была очаровательна, поскольку миссис Дарлинг воскликнула:

— Вот бы ты всегда оставалась такой!

И хотя больше они не произнесли на эту тему ни слова, отныне Венди знала, что взросление неминуемо. Вы всегда узнаете об этом в два года. Два — это начало конца.

Они жили в доме под номером 14, и, пока на свет не появилась Венди, её мама была там главной. Эта привлекательная леди обладала романтическим характером и очаровательным, готовым растянуться в улыбке ртом. Этот её характер можно сравнить с замысловатыми восточными шкатулками, вложенными одна в другую. Вы открываете

шкатулку, а в ней всегда спрятана ещё одна. Вот так же и смеющийся рот миссис Дарлинг всегда хранил ещё один маленький поцелуй, который Венди никак не удавалось поймать, хотя он явно прятался в правом уголке губ.

А вот как сумел завоевать её сердце мистер Дарлинг. Множество джентльменов, которые были юношами в то время, когда мама Венди была девушкой, вдруг одновременно поняли, что любят её, и ринулись к её дому, чтобы сделать ей предложение, но мистер Дарлинг перехитрил всех: схватил кеб и прилетел первым. Он-то и получил её в жёны, получил целиком, кроме самой последней маленькой шкатулки — поцелуя, притаившегося в уголке рта. Впрочем, о существовании шкатулки он и не догадывался, а что касается поцелуя, то с годами смирился и перестал его искать. Венди приходило на ум, что, возможно, его смог бы получить Наполеон, но перед глазами встаёт картина: вот он пытается, а затем в бешенстве убегает, хлопнув дверь.

Мистер Дарлинг частенько хвалился Венди, что мама не только любит его, но и уважает. Он принадлежал к тем глубокомысленным джентльменам, которые знают всё об акциях и доходах. По правде сказать, в них никто до конца не разбирается, но мистер Дарлинг часто рассуждал о том, что акции пошли вверх, а доходы вниз, с таким умным видом, что ни одна женщина просто не смогла бы его не уважать.

Миссис Дарлинг выходила замуж в белом платье и поначалу с таким энтузиазмом записывала в книгу все расходы, словно это была весёлая игра, и ни один, даже самый маленький, кочанчик брюссельской капусты не оставался ею не замеченным, однако постепенно стала пропускать даже крупные кочаны цветной капусты, а вместо них в бухгалтерской книге появлялись изображения младенцев без лиц. Так миссис Дарлинг видела будущее.

Сначала появилась Венди, затем Джон и, наконец, Майкл.

Пару недель после рождения Венди родителям не было ясно, смогут ли они её прокормить, поскольку в семье появился ещё один рот. Мистер Дарлинг очень гордился малышкой, но, будучи честным джентльменом, уселся на край кровати миссис Дарлинг и, взяв её за руку, принялся подсчитывать расходы. Она смотрела на мужа умоляющими глазами, потому что считала: надо рискнуть, а там будь что будет, — но мистер Дарлинг был не таков.

Вооружившись карандашом и бумагой, он занялся подсчётами, но стоило жене высказать какие-то свои соображения, сбивался и просил:

— Пожалуйста, не перебивай! У меня фунт семь шиллингов здесь и два фунта шесть в конторе. Я могу не пить кофе в конторе, и это даст десять шиллингов. Получаем два фунта девять шиллингов семь пенсов. Теперь пять фунтов из моей чековой книжки — получаем восемь фунтов девять шиллингов семь пенсов... Эй, кто там возится? Итак, восемь, девять, семь, запятая. Переносим девять — ни слова,

дорогая! — фунт, который ты дала займы соседу... Тише, малышка! Да покачай ты её! Так-так... Я сказал девять фунтов девять шиллингов семь пенсов? Да, именно девять фунтов девять шиллингов семь пенсов. Вопрос: сможем ли мы прожить год при таком недельном бюджете?

— Конечно, сможем, Джордж! — воскликнула миссис Дарлинг.

Мистер Дарлинг видел, что жена настроена в пользу Венди, но чувствовал всю свою ответственность, поэтому напомнил почти угрожающим тоном:

— Не забудь про свинку! Свинка — один фунт, это я записал, но, думаю, скорее всего обойдётся в тридцать шиллингов... Не перебивай! ...корь — один фунт пять шиллингов, краснуха — полгинеи. Получаем два фунта пятнадцать шиллингов шесть пенсов... коклюш посчитаем за пятнадцать шиллингов...

Это продолжалось целую вечность, и каждый раз результат отличался от предыдущего. Но наконец Венди была «подсчитана» (при этом свинку сократили до двадцати шести шиллингов, а корь и краснуха пошли как одна болезнь).

Те же самые беспокойства переживались по поводу появления Джона, а у Майкла шансов было ещё меньше, но в результате оставили всех и вскоре можно было видеть, как, держась за руки, они идут в детский сад мисс Фулсом в сопровождении своей няни.

Миссис Дарлинг любила, чтобы во всём был порядок, а мистер Дарлинг хотел, чтобы всё было как у соседей, поэтому, само

собой разумеется, у них имелась няня. Поскольку семья не могла похвастаться достатком по причине большого количества молока, потребляемого детьми, няней у них служила серьёзная собака породы ньюфаундленд по кличке Нана, у которой не было хозяев, пока её не наняли Дарлинги. Тем не менее она всегда очень ответственно относилась к детям, и Дарлинги свели с ней знакомство в Кенсингтонском саду, где Нана большую часть своего свободного времени заглядывала в детские коляски и строго следила за нерадивыми нянями, чтобы потом пожаловаться их хозяйкам.

В качестве няни собака оказалась настоящим сокровищем: добросовестно относилась ко всем своим обязанностям, включая купание детей, и с готовностью вскакивала даже ночью, стоило кому-нибудь из её подопечных только пискнуть. Разумеется, её конура стояла в детской. Каким-то особенным чутьём Нана знала, когда на детский кашель не стоит обращать особого внимания, а когда требуется завязать горло шерстяным чулком. Она верила только в старые проверенные средства типа листьев ревеня и презрительно фыркала при упоминании всех этих новомодных теорий о микробах и прочей ерунде.

Весьма поучительно было видеть, как она сопровождает детей в школу, степенно вышагивая сбоку, когда они вели себя хорошо, и собирает в шеренгу, если они разбрелись. Когда Джон шёл играть в футбол, она никогда не забывала захватить с собой его свитер и имела обыкновение таскать в зубах зонт на случай дождя. В подвале школы мисс Фулсом имелась комната, где няни ожидали детей. Они сидели

на скамьях, а Нана лежала на полу, — вот и вся разница. Они подчёркнуто игнорировали её, считая существом низшего сорта, а она презирала их за пустую болтовню. Нана не одобряла, когда в детскую заходили знакомые миссис Дарлинг, но если уж такое было неизбежно, то первым делом стаскивала с Майкла передник и надевала тот, что обшит голубой тесьмой, одёргивала платье на Венди и прилизывала волосы Джону.

В качестве няни Нана была безупречна, и мистер Дарлинг понимал это, но порой его одолевали сомнения, что же говорят по этому поводу соседи: приходилось думать о своём положении в городе, — однако этим его беспокойство относительно Наны не ограничивалось. Порой ему казалось, что собака его за что-то невзлюбила, хотя миссис Дарлинг убеждала мужа в обратном: «Ну что ты, дорогой, я знаю, что она от тебя в восторге». При этом она незаметно делала знак детям, чтобы были сегодня особенно учтивы с отцом.

И тут начиналось веселье. В таких развлечениях иногда разрешалось участвовать их единственной служанке Лизе. В длинной юбке и чепчике, она напоминала Дюймовочку, хотя, когда её нанимали, клялась, что ей давно исполнилось десять лет. Как же они веселились! И больше всех радовалась миссис Дарлинг: выделявала такие умопомрачительные пируэты, что от неё был виден один лишь поцелуй, и тому, кто догнал бы её, он, пожалуй, мог достаться. Они были самой счастливой семьёй, пока не появился Питер Пэн.

Впервые миссис Дарлинг наткнулась на его имя, когда приводила в порядок мысли своих детей. Обычно по ночам, когда дети спят, все заботливые мамы прибираются в их мыслях, раскладывая по местам всё, что перемешалось за день. Если бы вы не спали (что, конечно, невозможно), то могли бы посмотреть, как это делается, и наверняка нашли бы весьма интересным. Вам бы это напомнило уборку

в ящиках шкафа. Вот мама, стоя на коленях у кровати, с улыбкой перебирает ваши мысли, удивляясь, как могло то или иное прийти в эту светлую головку, делая для себя открытия — приятные и не очень. Вот что-то ей попало под руку, и она прижала это, словно пушистого котёнка, к щеке, а вот что-то, напротив, торопливо убрала подальше с глаз долой. Когда утром вы проснётесь, все шалости и недобрые мысли, с которыми легли в постель, будут свёрнуты и спрятаны на самое дно, а сверху, хорошенько проветренные, будут разложены все добрые намерения — бери да надевай.

Не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь видеть карту человеческих мыслей. Доктора иногда изображают другие части тела, но карта мыслей была бы куда интереснее. Вот только поди попробуй поймать детские мысли, не только беспорядочные, но и порядком запутанные. На такой карте будут зигзаги, похожие на температурный график, но больше они всё же напоминают дороги на острове, потому что Нигделандия как остров — вся в разноцветных пятнах. Здесь есть и коралловые рифы, и быстроходные суда на горизонте, и дикари, и заброшенные хижины, и гномы-портняжки, и пещеры с подземными реками, и принцы, у которых шесть старших братьев, и наспех построенные шалаши, и одна высохшая от старости леди с крючковатым носом. Это была бы совсем простая карта, если бы отображала только всё перечисленное, но есть ещё первый день в школе, религия, папа, круглый пруд, шитьё, убийства, виселицы, непереходные глаголы, шоколадный пудинг, фигурные скобки, три пенса в награду за то, что сам вытащил качавшийся зуб, и так далее и тому подобное. Либо всё это будет частью острова, либо попадёт на другую карту, но в любом случае всё выглядит достаточно запутанно, поскольку не стоит на месте.

Разумеется, Нигделандия у каждого своя: например, у Джона — это лагуна с парящими в небе фламинго,

на которых он охотился, а у Майкла, как у самого маленького, напротив, лагуны парили над фламинго. В своей выдуманной стране Джон жил на песке в перевёрнутой лодке, Майкл — в вигваме, а Венди — в хижине из листьев, сшитых друг с другом; у Джона не было друзей, к Майклу друзья приходили по ночам, а Венди дружила с волчком, которого бросили родители. Несмотря на различие, все эти нигделандии имели фамильное сходство, и если поставить их рядом, то станет ясно, что у них одинаковые носы и прочие черты. К их волшебным берегам, где можно вволю наигратся, дети причаливают в своих лодках. Мы тоже бывали там, порой даже ещё слышим шум прибоя, но на берег нам уже не ступить никогда.

Из всех красивых островов этот самый уютный и компактный, с довольно большими расстояниями от приключения до приключения и совсем не скучный. Днём, когда вы играете в Нигделандию со стульями и скатертью, она совсем не страшная, но за две минуты до того, как заснёте, оживает. Вот для чего нужны ночные лампы.

Время от времени, перебирая мысли своих детей, миссис Дарлинг натыкалась на то, что не всегда могла объяснить, и самым загадочным было слово «Питер». Она знать не знала никакого Питера, но тем не менее он временами возникал в мыслях Джона и Майкла, а что касается Венди, так её мысли были просто нашпигованы этим именем. Слово «Питер» было выведено жирными буквами поверх других слов, и чем больше мисс Дарлинг вглядывалась в него, тем более дерзким оно ей казалось.

— Да, ты права: он довольно дерзкий, — с сожалением признала Венди, когда мама приступила к расспросам.

— Но кто это, родная?

— Как кто? Питер Пэн.

Сначала миссис Дарлинг не знала, что и думать, но затем, мысленно покопавшись в своём детстве, припомнила какого-то Питера Пэна, который якобы жил среди фей

и эльфов. О нём рассказывали разные странные истории: например, будто бы он провожал детей, которые умирали, чтобы им не было страшно. Тогда она тоже в него верила, но сейчас, став матерью семейства и преисполнившись здравого смысла, сомневалась, существовал ли он на самом деле.

— Но он ведь должен быть взрослым теперь, — несколько растерянно заметила миссис Дарлинг.

— А вот и нет! — убеждённо воскликнула Венди. — Он точно такой, как я.

Миссис Дарлинг поняла, что дочь имела в виду — точно такой же по росту и развитию. Откуда Венди это было известно, она и сама не понимала.

Миссис Дарлинг решила посоветоваться с мужем, но он лишь с улыбкой отмахнулся:

— Поверь, всей этой ерунды они нахватались от Наны: такое могло прийти только в собачью голову. Не обращай внимания, и всё само собой пройдёт.

Однако ничего само собой не прошло, и очень скоро проказливый мальчишка поверг миссис Дарлинг в шок.

Дети часто совсем не придают значения странностям, которые с ними происходят: могут, например, сказать, что на прошлой неделе во время прогулки встретили своего умершего отца и он даже поиграл с ними.

Вот и Венди однажды утром сделала неожиданное признание. Заметив на полу детской листья, которых там точно не было, когда дети ложились спать, миссис Дарлинг была в недоумении, а Венди снисходительно бросила:

— Наверняка это опять Питер!

— Что ты имеешь в виду?

— Он никак не привыкнет вытирать ноги, — вздохнула Венди, сама будучи очень аккуратной, и, как само собой разумеющееся, поведала маме, что Питер иногда по ночам приходит в детскую, садится в изножье её кровати и играет на дудочке.

К сожалению, добавила Венди, она никогда не просыпается и поэтому не знает, откуда ей это известно, — просто известно, и всё.

— Что за ерунда! Никто не может войти в дом, не постучав в дверь.

— Думаю, он приходит через окно, — парировала девочка.

— Но ведь детская на третьем этаже!

— А как же листья на полу у окна, мамочка?

С этим не поспоришь: листья действительно лежали возле окна.

Миссис Дарлинг не знала, что и думать: Венди говорила об этом, как о чём-то совершенно обыденном, так что невозможно было даже предположить, что ей всё приснилось.

— Доченька, а почему же ты мне раньше ничего не говорила?

— Просто забыла, — пожала плечами Венди и поспешила к завтраку.

Конечно, всё это ей только приснилось, но листья... Миссис Дарлинг внимательно их изучила: сухие, но с какого растения — непонятно, в Англии такие не встречаются.

Опустившись на колени и вооружившись свечой, миссис Дарлинг обследовала каждую половицу в надежде обнаружить какие-нибудь странные следы, пошуровала кочергой в дымоходе и простучала стены. Так ничего и не обнаружив, она взяла мерную ленту и опустила из окна. Коснувшись земли, та остановилась на отметке тридцати футов, а у них не было даже водосточной трубы, по которой можно было бы вскарабкаться вверх. Вариант с окном отпал: определённо Венди всё приснилось.

Следующей ночью, с которой, собственно, и начались необыкновенные приключения детей, выяснилось, что это вовсе не сны.

Случилось так, что у Наны был выходной, поэтому миссис Дарлинг в положенное время сама искупала детей, уложила в кровати и спела колыбельную. Когда дети один за другим отпустили её руку и отправились в царство сна,

миссис Дарлинг в душе посмеялась над своими страхами и спокойно уселась за шитьё к камину. Это была рубашка для Майкла, подарок ко дню рождения, когда он должен был надеть её в первый раз. Всё выглядело уютно и безмятежно, от камина шло тепло, три ночника создавали мягкий полумрак, и очень скоро шитьё уже лежало на коленях миссис Дарлинг.

Поначалу она тихонько клевала носом, но, надо сказать, делала это весьма изящно, а затем по-настоящему уснула. Ну до чего умильная картина: Венди и Майкл мирно посапывают в глубине комнаты, Джон — поближе, а мама у камина. Воистину недоставало лишь четвёртого ночника.

А миссис Дарлинг снилась своя Нигделандия. Вот она подступила совсем близко, и от неё словно отделился странного вида, но вовсе не страшный мальчик. Его лицо казалось знакомым и напоминало лица женщин, у которых не было детей, хотя и некоторых тех, у кого были, тоже. В её сне он словно разорвал завесу, отделявшую от них Нигделандию, и миссис Дарлинг увидела, что в образовавшуюся дырку Венди, Джон и Майкл просунули свои мордашки.

Сам по себе этот сон ничего особенного не представлял, но, пока она спала, окно детской отворилось и на пол с подоконника спрыгнул мальчик. Его сопровождал странный огонёк, размером не больше кулачка, который метался по комнате, словно живое существо. Похоже, именно он и разбудил миссис Дарлинг.

Увидев мальчика, в котором тотчас каким-то образом узнала Питера Пэна, она вскрикнула. Будь там в тот момент кто из нас или Венди, мы бы признали в нём сходство с поцелуем миссис Дарлинг. Это был симпатичный мальчуган, одетый в сухие листья, скреплённые древесным соком, однако самым поразительным в нём были ослепительно-белые молочные зубы, которыми он заскрежетал, увидев перед собой не ребёнка, а взрослого.

